



**ПОСМЕРТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАСТОРА И
ФЕМИНИСТКИ**

АГОШТОН ОРОС

12+

Агоштон Орос
**Посмертные приключения
пастора и феминистки**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57262955

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97260-5

Аннотация

Пастор Моника Бергер и председатель фонда борьбы за женское равноправие феминистка Изольда Мефодиевна Скуратова-Шуйская оказываются в непонятном месте. Кого они там встретят? И как оттуда выбраться? Кто их ищет? А кто не хочет, чтобы они нашлись? Какую роль в истории сыграет кот Роланд?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Агоштон Орос

Посмертные приключения пастора и феминистки

Глава 1



Моника сотворила молитву на сон грядущий и с чувством выполненного долга отправилась в объятия Морфея, в коих и почила сном праведницы.

Сначала волны сновидения плавно и ритмично приноси-

ли и уносили привычные образы, наполнявшие её благочестивую жизнь: лица, пейзажи, голоса, звуки органа кирхи. Ей казалось, что и её сознание, и её тело мягко покачиваются гармоничными волнами, пронизывающими всё мироздание. Потом всё ушло куда-то вдаль, и осталось блаженное чувство покоя, заслуженного долгой и честной жизнью покоя... Ах, как спокойно и тихо. Мышцы расслабились. Тревоги ушли. Мысль остановилась...

Внезапно раздался трубный глас. Нарастающий звук вбуравливался в мозг. Сильнее сигнала воздушной тревоги, накрепко врезавшегося в память со времён войны. Пронзительный и оглушительный. Душераздирающий и нестерпимый. Звук всё нарастал и пронизывал её. Давил и наполнял тяжестью. Она хотела заткнуть уши, но руки не повиновались ей. Она перестала чувствовать тело, перестала ощущать что бы то ни было. Утратила способность мыслить. Этот убийственный звук парализовал её.

И тут неведомая сила вышвырнула её вверх. Воцарилась тишина. Моника стояла с широко раскрытыми глазами и не понимала, где она и как она там очутилась. Бледное небо свидетельствовало о раннем утреннем часе. На горизонте оно сливалось с водной гладью.

Чувства начинали возвращаться к Монике. Она поёжилась от прохлады, ей захотелось получше закутаться. В попытке согреться она обняла ладонями плечи. И тут обратила внимание, что одета она в сутану, поверх которой на массив-

ной цепочке надет наперстный крест.

Моника огляделась по сторонам. Прибрежное селение. Невысокие домики. Немного растительности. Песчаные пляжи. Автостоянки. Людей нет. Это и не удивительно: раннее утро – все спят. Она сама ещё не успела толком проснуться, поэтому не очень и удивлялась. Что ж? Надо идти в посёлок. Она повернулась назад.

– А-а-а! – разнёсся крик этой немолодой и обычно сдержанной дамы.

Прямо перед ней зияла яма: так, что она стояла на её краю и рисковала при малейшем неловком движении провалиться в неё. Но это было не всё. В глубине ямы виднелся открытый гроб, крышка от которого валялась отдельно, а на ней...

– А-а-а! – повторила Моника уже гораздо тише.

На крышке гроба она увидела свою фотографию.

Несколько мгновений она стояла молча и неподвижно. Даже мысль остановилась. А потом решила, что, значит, она умерла и попала в рай. Какой-то странный, правда... Но откуда мы знаем, как должен рай выглядеть?

А может, и не рай. Чистилище, скорее. Во всяком случае, не ад. И это утешает. Нет, ну конечно же не ад! Об этом и речи не могло быть. Вот только где же ангелы и всё такое? И даже никакого туннеля со светом в конце его. Она вспомнила описание потусторонней жизни в книге «Жизнь после смерти» Раймонда Мууди. А она-то считала, что там описана истина в последней инстанции....

Да может, и не умерла ещё! – пришла ей в голову разумная вроде бы мысль. Ну зачем бы на том свете потребовались автомобили на автостоянках, магазины вон с вывесками? Прочая вся инфраструктура? Зачем душам предметы?

Ладно. Тогда как она здесь оказалась?

Да мало ли как? Во-первых, скорее всего, она просто спит. Это самое вероятное. Она попыталась себя ущипнуть. Окрестный пейзаж от этого не исчез и даже не изменился.

«Ну и что? Значит, сплю глубоко. Вот сейчас выплусь и проснусь». «А пока поброжу по своему сновидению», – добавила она, стараясь привести в норму сердечный ритм.

Моника не торопясь направилась к домикам.

«Интересно, кто мне приснится в этой местности, – подумала она. – Соседи и прихожане? Или те, кто давно покинул юдоль земную?»

#

На лицах членов евангелистской общины было приличествующее ситуации выражение серьёзности и грусти. Перед портретом Моника Бергер, перевязанном траурной лентой, лежали цветы. Охапки цветов. И ещё – в вазах.

Произнесли много прочувствованных речей. И разошлись.

В углу остался сидеть изрядно потрёпанный жизнью кот Роланд. Он думал, как ему теперь жить дальше.

#

Моника подошла к крайнему дому. Так как она уже ре-

шила, что это сновидение, то и вошла в него без стука. Внутри никого не было. Не было никого, но было всё. Моника щёлкнула выключателем – включился свет. Она взяла со стола пульт от телевизора и нажала кнопку включения. Экран ожил. Она попереключала каналы.

Затем прошла на кухню. Все необходимые приборы. Плита, микроволновая печь, холодильник. Она открыла его. Запас продуктов на неделю. Как минимум.

И тут она вспомнила, что не выспалась, что её разбудил дурацкий звук трубы и что она хочет спать. Постель, как и всё остальное, – к её услугам. Сейчас поищет в шкафу пижаму. Не в сутане же спать. Она открыла платяной шкаф. Внутренняя сторона дверцы представляла собой зеркало. Практически во весь рост.

Она взгляделась в отражение. Ни морщинки. Ни одного седого волоска. Полные жизни глаза смотрели на неё с зеркальной поверхности.

«Ах, если бы я и впрямь была так молода и хороша, как в этом отражении!» – вздохнула она и потянулась рукой провести по отражению чудных волос.

– Эй-эй! Что за фамильярности?! – вдруг возмутилось отражение и оттолкнуло её руку.

– Извините, – от неожиданности оробела Моника.

– Мы против фамильярностей. Мы за уважительное отношение. Мы за равноправие и уважение личного пространства, – продолжило отражение, выбираясь из зазеркалья.

– Изольда Мефодиевна Скуратова-Шуйская, – представилось обретшее человеческую плоть отражение, протягивая руку для рукопожатия.

Моника подумала, что вообще-то не слишком вежливо со стороны более молодой особы первой протягивать руку. Изольда как будто прочитала её мысли и пояснила:

– Мы против эйджизма. Мы за равноправие!

– Простите, а вы – это кто? – осторожно спросила Моника.

– Феминистки, конечно. Мы вот уже несколько поколений боремся за равноправие. За международную женскую солидарность. К сожалению, мало кто нас поддерживает.

– Несколько поколений? – удивилась Моника.

– Ну да! В нашем древнем и славном роду идеи феминизма вызревали ещё с шестнадцатого века. Я происхожу из весьма древнего и благородного рода, знаете ли.

– О! – не нашлась, что ответить Моника.

– Основатель нашего рода – великий политический деятель, глава службы безопасности царя Иоанна Четвёртого Грозного Григорий Лукоянович Скуратов-Бельский. В историю он вошёл под именем Малюты Скуратова.

– Он тоже феминист? – удивилась Моника.

– У него было три дочери. Две из которых побывали царицами, – гордо пояснила Изольда. – Правда, недолго, – добавила она уже тише. – Одна стала женой Бориса Годунова и после его смерти правила страной. Была опекуншей своего сына Фёдора. Правда задушили их обоих – и мать, и сына –

сторонники мужа её сестры – Василия Шуйского. А потом уже эта сестра – Екатерина её звали, от неё и наша линия идёт – уже родственника своего мужа отравила.

– О! – только и воскликнула Моника.

– А за сестру отомстила! – уверенно подытожила Изольда Мефодиевна Скуратова-Шуйская.

Она помолчала немного и перешла к вопросам:

– А вы кто?

– Пастор, а что? – растерялась от резкой перемены темы Моника.

– Кто-о-о?! Вы же женщина!

– Ну и что? Для христианина несть иудей ни эллин. Ни мужеский пол, ни женский! – продемонстрировала осведомлённость в церковнославянском языке евангелистский пастор.

– Хм!.. – задумалась Изольда. И, подумав, одобрила. – Вообще-то, это по-нашему!

– По-вашему? У вас же не бывает женщин-священников!

– Я имею в виду: по-нашему, по-феминистичному!

– Да-а-а? – не поняла пастор.

– Ну да! Равноправие же!

– А-а-а! – протянула не вполне понимающая Моника.

– Это у вас здорово придумано! А у нас – только мужики.

И даже – ты не поверишь... Ой, это ничего, что я на «ты» перешла? – опомнилась потомок древнего боярского рода.

– Ничего. Но вы же вроде бы против фамильярностей?

– А да! Точно! Ну так вот! У нас даже мужики без очереди в храмах лезут. А старушки на них ещё и умиляются! Вот можно цивилизованному человеку такое себе представить?

– Нет, конечно. А куда они лезут? Без очереди-то?

– Да в любой очереди без очереди... И не только в храме.

Понимаете, – она опять перешла на «вы», – у нас в деле равноправия в последнее время – полный регресс. Ваши Роза Цеткин и Клара Люксембург в гробу бы перевернулись, если бы увидели, что в стране, первой в мире объявившей равенство в правах мужчин и женщин, опять хотят посадить женщин в клетку из четырёх «К»!

– Кирхе, киндер, кюхе, кляйдер... – со знанием темы подержала Моника.

– Вот-вот! Дети, церковь, кухня, платья! Безобразие, короче! – горячилась боярыня.

#

Собрание первичной ячейки феминисток проходило оживлённо. В связи с безвременной кончиной несменяемого председателя – потомка славного боярского рода Изольды Мефодиевны Скуратовой-Шуйской – на повестке дня стояли выборы нового председателя.

– Утрата наша тяжела, – открыла собрание княгиня Анфиса Лонгиновна Шаховская. – Но мы должны подхватить знамя борьбы за женское равноправие и преумножение нашего фонда, председателем которого являлась незабвенная Изольда Мефодиевна. В этот скорбный день и час наш – по-

томков древних аристократических родов – долг: взять на себя это тяжкое бремя ответственности за наше движение и наши материальные фонды.

– Ех, ничё себе! – раздался отнюдь не аристократичный возглас. – Как в акциях участвовать в чём мать родила – так мы, разночиницы...

– Разночинцы, – сухо поправила Анфиса Лонгиновна.

– Не-ет! Разночиииницы! Всю грязную работу мы за вас делаем! А как фондами заправлять – так вы!

– Успокойтесь, милочка! – попыталась замять конфликт княгиня. – Отложим решение вопроса.

#

– Так вот я и говорю... Ик!.. Ик! Ик!

– Что это с вами, Изольда Мефодиевна?

– Ох, не иначе как кто-то меня вспоминает... Ик!

– ?

– Примета у нас в России такая.

Изольда Мефодиевна продолжала икать, как вдруг стены дома начали раскачиваться. Зазвенела люстра. Начали подпрыгивать на полках чашки и тарелки. Задрожала мебель: сначала мелко, а потом – всё сильнее и сильнее. Зашатался пол. Изольда, схватившись за подоконник, ещё разок икнула и в ужасе спросила:

– Что это?

Моника, вжавшись в кресло, которое тоже начало изрядно вибрировать, дрожащим голосом ответила:

– Кажется, землетрясение.

Глава 2



Стены ходили ходуном.

– Надо же выбираться! – закричала Изольда Мефодиевна.

Моника не отвечала. Кресло под ней шаталось и уже начало подпрыгивать. Сама же она, вжавшись в него, мёртвой хваткой вцепилась в подлокотники.

Изольда, борясь с волнами сухопутной качки и спотыкаясь, добралась до окаменевшего пастора и потянула за руку.

Моника никак не желала отцепляться от кресла. Собрав все свои силы, Изольда потащила её к выходу. Та по-прежнему не отпускала кресло. Тащить впавшего в оцепенение пастора пришлось вместе с креслом. По штормящему полу под угрожающе завывающим и раскачивающимся потолком.

«Тяжёлая-то какая», – бубнила Изольда, с трудом волоча кресло с пастором к выходу. Пот катился градом с её лба, руки немели, мышцы дрожали от напряжения, всё вокруг шаталось и зловеще скрипело.

Наконец они выбрались из готового в любую минуту схлопнуться дома. Изольда в изнеможении упала на землю. Уф! Все вроде живы... Тряска прекратилась. Земля ходуном не ходила, и всё было спокойно. Как будто только и надо было их из дома выкинуть.

Не растерявшаяся в трудную минуту феминистка перевела дух и обратилась к сидевшей как изваяние Монике:
– Мы ведь могли погибнуть!

Та всё ещё не оправилась от шока. Она сидела с отрешённым выражением лица и, казалось, ничего не видела и не слышала.

Постепенно её взгляд обрёл осмысленность, и она сказала твёрдым голосом:

– Не могли.

– Ещё как могли! Ведь дом разваливался! – закричала Изольда.

Моника странно посмотрела на неё и хотела что-то сказать. Но передумала и как будто ушла в себя. Потом сказала:

– Я не смогла даже проснуться.

Помолчала и добавила:

– Значит, и умереть не смогу.

Она помолчала опять и, осторожно выбирая слова, спросила:

– А вы были атеисткой при жиз...? Кхе, кхе! – она торопливо закашлялась в надежде, что не успела сказать лишнего, и перефразировала вопрос:

– Вы атеистических взглядов придерживаетесь? В бессмертие души верите?

Так. От стресса она, стало быть, отошла. Раз на философские темы потянуло. Что ж. Можно и побеседовать.

– Видите ли, преподобная мать, вы затронули весьма интересную тему, – Изольда Мефодиевна старалась, чтобы её слова не звучали издевательски. Всё-таки в общении с пожилым человеком надо проявлять терпение. Она тщательно подобрала слова и продолжила:

– Но боюсь, сейчас нам лучше перейти от размышлений на отвлечённые темы к практическим действиям. Мы только что спаслись от неминуемой гибели. А сейчас нам надо опре-

делить, куда это нас занесло и как отсюда выбраться. Для начала – хотя бы перекусить.

– Выбраться... – с горечью повторила госпожа пастор. Но спорить не стала.

– Да: выбраться, – ласковым голосом, каким говорят с несмышлёными детьми или с больными, подтвердила наследница древнего рода. – Идёмте поищем, где тут вокзал, телефон, телеграф...

«Всё бы им, борцам за свободы, телефоны, телеграфы подавай! – мысленно проворчала пастор, – Сейчас Смольный искать начнёт...» Но спорить не стала и безропотно пошла за предводительницей постсоветского дворянства или кто она там? Ах да! председательница движения феминисток.... Впрочем, эти подробности уже были не важны...

#

Кот Роланд понял, что рассчитывать ему отныне придётся только на себя. Из кирхи его ещё не выгоняли. Но он уже начинал чувствовать себя лишним. Ему ещё наполняли миску с едой. Но как-то уже нерегулярно и... Как-то без души что ли... А уж о том, чтобы поинтересоваться, как у него дела, или потрепать за ухом... Нет, об этом уже и речи не было.

Он вспомнил уютные вечера, когда пастор Моника Бергер

что-то читала, или писала, или что-то готовила, а он устраивался где-то поблизости и дремал. Вроде бы каждый был занят своим делом, но при этом не чувствовал себя одиноким. А уж когда Моника садилась за стол поесть, конечно, она не забывала прежде всего наполнить его миску.

Их дружба началась с тех пор, как в один из холодных дождливых дней он, ободранный и голодный, добрёл до дверей кирхи. Вид у него был неказистый, умиления у прохожих не вызывающий. Из множества проходящих мимо людей никто не хотел ни покормить его, ни хотя бы сказать что-то ласковое. А если и пытался его погладить какой-нибудь ребёнок, то тут же слышался запрещающий голос: «Не смей трогать! Кошка заразная!»

И вот вышла из кирхи госпожа пастор... Эх, да что там говорить! С тех пор Роланд обрёл своего человека, домашний очаг и регулярное питание. И имя тоже. Моника Бергер назвала его Роландом. В честь героя французского эпоса.

#

– Так. По крайней мере, это не какой-нибудь необитаемый остров. Дома, дороги, автомобили, – цивилизация, одним словом. Значит, есть транспорт, на котором можно отсюда выбраться. Мне никак нельзя тут прохладиться. Дел – по горло! Я ведь председатель фонда движения за женское

равноправие! Как же там без меня? Это же вся жизнь остановится! И так уж, наверно, без меня шагу не могут ступить! Всё ведь только на мне держится. Всё я! Всё я.

Она с нетерпением тянула за рукав отстающую Монику.

– Вон видите? Маяк! Туда для начала и отправимся. По крайней мере, узнаем, что это за населённый пункт и как отсюда выбраться.

Моника грустно усмехнулась и, тяжело вздохнув, потащилась за энергичной компаньонкой. Изольде Мефодиевне не терпелось достичь цели как можно скорее, и она свернула с асфальтированной дороги на более прямой, как ей казалось, путь. Была бы её воля, она бы стрелой туда метнулась, – так ей не терпелось скорее отсюда выбраться и вернуться к борьбе за права многострадальных женщин.

Идти по берегу было труднее: ноги пробуксовывали в песке. Менее энергичная Моника совсем выбилась из сил. Впрочем, она не жаловалась. Ей было всё равно, и она равнодушно следовала за переполненной планами прогрессивной боярыней.

Наконец, они дотащились до здания маяка. Изольда Мефодиевна ринулась внутрь, оставив уставшего пастора отдохнуть на скамейке. Взобралась по винтовой лестнице на

самый верх. Внутри не было ни души. Раздосадованная, но не обескураженная, она решила толкнуться в домик, прилегающий к маяку – по идее, там должен жить служитель маяка. Моника осталась ждать на скамейке.

Так. Сейчас спросит у служителя, где она находится и как отсюда выбраться. Правда, денег у неё с собой нет на билет. Но это не проблема. По интернету всё оплатит. Все логины и пароли она помнит. И служителю на чай тоже по интернету переведёт. Это всё дело техники. Только быстрее всё надо сделать. И так сколько уже времени потеряно! Пасторша ещё эта... Нет, бросить её она, конечно, не могла. Женская солидарность не позволяла. Но сколько же с ней мороки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.